

Социо- лингвистические аспекты первых переводов Библии на русский язык*

**Александр Геннадьевич
Кравецкий**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Sociolinguistic Aspects of the First Translations of the Bible into the Russian Language

Alexander G. Kravetsky

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

Первые переводы Нового Завета на русский язык, осуществленные в начале XIX века, обычно рассматриваются как миссионерский проект. Однако языковые особенности этих переводов свидетельствуют о том, что они были адресованы достаточно узкой аудитории. Как известно, основанное в 1812 г. Российское библейское общество начинало свою деятельность не с переводов на русский язык, а с массового издания славянского текста Библии. Именно церковнославянская версия Писания первоначально воспринималась как русская версия Библии. Такое восприятие соответствовало социолингвистической ситуации того времени. Среди грамотных крестьян и мещан преобладали люди, которые учились грамоте так, как это было принято в Средневековой Руси, заучивая наизусть церковнославянский букварь, Часослов и Псалтирь. Для людей, изучавших грамоту таким образом, славянский текст Библии был более понятен, чем русский перевод. Поэтому аудиторией русской версии Писания были представители образованных классов, читающие Библию в переводах на европейские языки. Количество людей, которым был адресован русский перевод, было на порядок меньшим, чем людей, которым была адресована славянская версия Библии. Позиция “новаторов” была ближе переводчикам, чем позиция “архаистов”. Язык, на который был переведен Новый Завет, на несколько десятилетий опередил литературную норму своего времени. И это стало одной из причин, по которой работы по переводу Библии на русский язык были свернуты.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-04-00223).

Ключевые слова

литературный язык, языковая ситуация, библейские переводы

Abstract

The first translations of the New Testament into the Russian language, which were carried out at the beginning of the 19th century, are usually regarded as a missionary project. But the language of these translations may prove that they were addressed to a rather narrow audience. As is known, the Russian Bible Society established in 1812 began its activities not with translations into Russian but with the mass edition of the Church Slavonic text of the Bible. In other words, it was the Church Slavonic Bible that was initially taken as the “Russian” Bible. Such a perception correlated with the sociolinguistic situation of that period, when, among the literate country and town dwellers, people learned grammar according to practices dating back to Medieval Rus’, which meant learning by heart the Church Slavonic alphabet, the Book of Hours, and the Book of Psalms; these readers were in the majority, and they could understand the Church Slavonic Bible much better than they could a Russian-language version. That is why the main audience for the “Russian” Bible was the educated classes who read the Bible in European languages, not in Russian. The numbers of targeted readers for the Russian-language translation of the Bible were significantly lower than those for the Church Slavonic version. The ideas of the “language innovators” (who favored using Russian as a basis for a new national language) thus appeared to be closer to the approach taken by the Bible translators than the ideas of “the upholders of the archaic tradition” (who favored using the vocabulary and forms of Church Slavonic as their basis). The language into which the New Testament was translated moved ahead of the literary standard of that period, and that was one of the reasons why the work on the translation of the Bible into the Russian language was halted.

Keywords

literary language, state of language, translations of Bible, the Russian language, the Church Slavonic language

1.

Настоящая статья посвящена переводам на русский язык текстов Священного Писания, которые были осуществлены в первой четверти XIX в. по инициативе Российского библейского общества (далее РБО). Мы постараемся ответить на вопрос о том, в какой степени переводы РБО были понятны русскому читателю и в какой степени русский текст, напечатанный параллельно с церковнославянским, прояснял последний. В официальной концепции деятельности РБО указывалось, что его основной задачей является “способствование к приведению в России в большее употребление Библии или книг Священного Писания, Ветхого и Нового Завета”¹ [Отчет I: 1]. А чуть ниже это положение конкретизировалось

¹ В практике Русской Церкви чтение Библии не входило в число обязанностей мирян. За весь синодальный период русской церковной истории не было

декларацией, что “единственное попечение Общества обращается на то, чтобы обитателям Российского Государства доставлять Библии или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на разных языках за самые умеренные цены, а бедным и без всякой платы” [там же]. Эта часть программы РБО была выполнена блестяще. Обществу удалось наладить в России стереотипную печать, при которой за счет значительного увеличения тиража удалось заметно снизить цены. В результате люди с небольшим достатком получили возможность приобретения Библии. Побочным результатом этой работы стало возникновение новой стандартной версии славянского библейского текста, который практически без изменений перепечатывался вплоть до последней четверти XIX в. [Кравецкий 2011].

Издавая библейские книги на языках народов Российской империи, РБО на первых порах исходило из того, что русские читают Библию на церковнославянском языке. Неслучайно в документах Общества выражения “славянская Библия” и “русская Библия” употреблялись как равнозначные. В первых печатных отчетах РБО раздел, посвященный распространению церковнославянской Библии, имел название “Издание русской Библии”. В отчете за 1813 г. в этом разделе сообщается, что в истекшем году Общество заботилось “об умножении числа экземпляров, но в умеренной цене, Библии на *славянском* языке, то есть, *Библии русской*, издаваемой от Святейшего Синода” [Отчет I: 44; курсив источника. — А. К.]. Подчеркивая заметное снижение цены на издания славянской Библии, авторы отчета явно исходили из того, что именно высокая цена была главным препятствием для распространения Библии среди “природных Россиян” [там же]. Таким образом, библейским текстом “природных россиян” авторы Отчета считают именно славянский текст.

Очень характерны приведенные в том же Отчете письма, содержащие просьбы и благодарности читателей Библии. Прочитаем фрагмент письма крестьянина Евдокима Пахомова из Томска: “Я приемлю смелость всепокорнейше просить Санкт-Петербургское Библейское Общество снабдить одним экземпляром Библии Ветхого и Нового Завета на отечественном моем языке и прислать оную мне в Томск” [Отчет I: 94–95]². Поскольку к переводу Писания на русский язык Общество еще

принято ни одного документа, призывающего мирян изучать Писание. Даже Библейский отдел Поместного собора 1917–1918 гг. в своем докладе (то есть проекте соответствующего соборного определения) обходит молчанием вопрос о домашнем чтении Писания [Кравецкий 1993: 126–127].

² Не подлежит никакому сомнению, что опубликованные в Отчете письма подвергались существенной языковой унификации. Однако для нашей темы не имеет значения, кому именно — автору письма или же редакторам, готовящим Отчет к изданию, — принадлежит то или иное словоупотребление.

не приступало, очевидно, что “отечественным языком” Е. Пахомов называет церковнославянский. Так же называет язык Елизаветинской Библии и титулярный советник Ермолаев из Астраханской губернии: “Прошу снабдить меня для бедных сирот и двух таковых же семейств, зависящих от бессильного моего попечения, двумя экземплярами Библии Ветхого и Нового завета на отечественном моем языке” [Отчет I: 99]. Церковнославянская Библия регулярно называется “русской” и в документах Московской синодальной типографии. В одном из писем обер-прокурор Синода А. Н. Голицын требует продать 1000 экземпляров “русской вновь отпечатанной Библии” [Дело о присылке Библий: 24; письмо от 12 января 1814 г.], хотя из контекста понятно, что речь идет о славянском тексте³. В документах Российского библейского общества такие словоупотребления встречаются регулярно [там же: 65, 67].

Противопоставление “славянской” и “русской” Библии появляется в отчетах РБО в 1815 г. в связи с сообщением о начале работы над русским переводом Библии. В отчете говорится, что Император, убежденный “во всеобщей великой пользе от чтения Слова Божия приобретаемой, повелел президенту Российского библейского общества, дабы предложил Святейшему Синоду искреннее Его Величества желание доставить россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшим для них славянского наречия, на котором книги Священного Писания у нас издаются” [Отчет III: 14]. В отчете за 1815 г. синодальные издания Библии уже называются славянскими, а не русскими⁴. Однако эпизодически употребление слова “русский” по отношению к славянскому тексту Библии мы встречаем и позднее. Например, в Отчете за 1816 год при перечислении имеющихся изданий Библии на разных языках упоминаются и “Библии русские”⁵, хотя до выхода параллельного славяно-русского издания Нового завета оставалось

³ Церковнославянские тексты называются русскими и в других типографских документах начала XIX в. Вот как, например, выглядит заголовок дела, относящегося к 1803 году: “О напечатании церковных молитв, символа веры, десятисловия и катехизиса, переведенных с русского на татарский, черемисский, чувашский и мордовский церковными литерерами” [О напечатании].

⁴ “Издание стереотипное Нового Завета вышло в начале сего 1816 г., равно как и Библия славянская в Москве ныне же. По сему в течение 1815 года надлежало довольствоваться еще теми запасами книг Священного Писания на славянском языке, кои можно приобрести в Московской синодальной типографии или в Киеве” [Отчет III: 20].

⁵ “Комитет [...] имел в своем распоряжении [...] большую часть экземпляров издания Нового Завета, напечатанного [...] изданием Московского отделения Библейского общества в числе 10000 экземпляров. Кроме заготовления библий русских, Комитет [...] имел в Книгохранилище своем великое число Библий и Новых Заветов на двадцати двух различных языках. [...] В течение года приобретено покупкою русских Новых заветов от Синодальной типографии” [Отчет IV: 100–101].

еще два года и русскими Библиями здесь могут называться только церковнославянские издания. Таким образом, в отчетах РБО постепенно стали называть “природным русским языком” Священного писания не церковнославянский язык, а язык готовящегося русского перевода. При этом и декларации РБО, и позднейшие исследователи считали само собой разумеющимся, что русский текст Писания имеет куда более широкую читательскую аудиторию, чем славянский текст. Однако, на мой взгляд, это не столь очевидно.

||.

Для того чтобы говорить о том, кому мог быть адресован русский перевод Библии, следует кратко охарактеризовать языковую компетенцию представителей разных социальных групп российского общества первой половины XIX в. В рамках данной статьи я не имею возможности привести подробную аргументацию, поэтому отошлю к работам, где этот вопрос специально разбирается [Кравецкий 1999; Кравецкий и Плетнева 2001: 25–41; Плетнева 2006; 2013: 25–40], а здесь приведу лишь общие выводы. Анализ многочисленных свидетельств об обучении грамоте крестьянских и мещанских детей показывает, что в этой среде существовал институт домашнего обучения чтению. Учение начиналось с церковнославянского Букваря, который традиционно содержал несколько разделов: алфавит с названием букв, двухбуквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлами, цифирь, некоторые молитвы и вероучительные тексты. Вначале учащиеся заучивали названия букв, а потом учились составлять из них слоги (“буки” + “аз” — ба, “буки” + “люди” + “аз” — бла). Сначала слова читались “по складам”, а затем — “по верхам” (то есть без названий букв). Тексты учебных книг заучивались наизусть. За Букварем следовал Часослов, а затем Псалтирь. При таком обучении церковнославянские тексты воспринимались как нечто привычное и не производили впечатления непонятных. При этом тексты, написанные на русском литературном языке, который имел заметные отличия от диалектной речи и не изучался как самостоятельная система, могли вызывать серьезные трудности. Таким образом, языком начального образования крестьян и мещан был церковнославянский. Неслучайно язык массовой (лубочной) литературы, адресованной крестьянам, был в значительной степени славянизирован, причем той или иной славянизации подвергались здесь не только тексты церковной тематики, но и малопрстойные, скабрезные истории.

Совершенно иной была языковая компетенция людей, которые окончили гимназии или получили домашнее образование по программам, соответствующим гимназическим. Их учили читать по русским

текстам, в то время как церковнославянский язык они осваивали позже, опираясь на грамматики, а не методом заучивания текстов наизусть. Показательно, что в дворянских дневниках первое упоминание Библии часто бывает связано с началом изучения европейских языков. Библия оказывается одной из книг, прочитанных в результате занятий с французом, немцем или англичанином. По-французски впервые прочел Новый завет Александр I, покровительствовавший работе по переводу Библии на русский язык.

Для характеристики социальной принадлежности читателей русской Библии процитируем еще один пассаж из Отчета за 1815 г., в котором говорится о поддержке идей перевода Писания на русский язык императором Александром I:

Его Императорское Величество [. . .] с прискорбием усматривает, что многие из россиян по свойству полученного ими воспитания, быв удалены от знания древнего славянского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию иностранных переводов, а большая часть и сего иметь не может [Отчет III: 15].

При чтении этого отрывка обращает на себя внимание то, что плохо владеющим церковнославянским языком россиянам приходится прибегать “к пособию иностранных переводов”. Понятно, что речь здесь идет не о крестьянах, а о представителях социальной элиты. На наш взгляд, этот текст хорошо характеризует языковую компетенцию представителей привилегированных сословий, которые читали Писание на европейских языках, но испытывали затруднения при чтении церковнославянского. Аудитория, которой были адресованы как библейские переводы, так и издаваемая РБО мистическая литература, знала европейские языки лучше, чем церковнославянский.

В связи с характеристикой этой аудитории следует упомянуть выступления в Петербурге немецких проповедников, которые пользовались большой популярностью. Инициатором этих выступлений был князь А. Н. Голицын, являвшийся одновременно председателем РБО и обер-прокурором Синода⁶. Эти выступления были заметным явлением

⁶ Вот как вспоминал об этом Н. И. Греч: “В то время, когда мистицизм, методизм, библеизм и тому подобные поветрия проникли в Россию и распространились в ней, как сорная трава на черноземе, приехали сюда два католических священника: Линдль и Геснер. Оба они, не отрекаясь от католицизма, проповедовали какой-то мистический протестантизм, говорили южно-немецким наречием, прямо, грубо, с убеждением и с красноречием проповедников средних веков. Линдль проповедовал в Мальтийской церкви, а Геснер в большой католической (св. Екатерины), на Невском проспекте. Католики видели в этих проповедниках предателей и еретиков и проклинали их. Слушателями их были отчасти верующие и убежденные, но не находившие достойной духовной пищи в

в культурной жизни столицы. При этом не следует забывать, что прославленные проповедники говорили по-немецки, а значит, кроме иностранцев воспринимать их проповедь могли лишь представители социальной элиты. Это и есть тот круг, которому адресовались осуществленные РБО русские переводы Библии.

На то, что эти переводы предназначались не крестьянам и мещанам, которые традиционно учились грамоте по славянскому Букварю, Часослову и Псалтири и испытывали затруднения при чтении текстов, написанных на русском литературном языке, еще в 30-е гг. прошлого века обратил внимание о. Георгий Флоровский [1981: 154]:

“Невразумительное наречие”⁷ закрывало Библию не столько от народа, сколько именно от высшего круга, от самого императора, прежде всего, — он сам привык читать Новый Завет по-французски (в известном переводе Де-Саси) и не изменил этой привычке и с изданием “русского” перевода.

III.

Мы выяснили, что русский перевод Писания почти не расширял круг его читателей. Но для истории русского литературного языка значение этого перевода трудно переоценить. Для литературного языка, находящегося в процессе становления, перевод Священного писания всегда является вехой, переводящий этот язык в новое качество⁸. В результате работ РБО в России появилась национальная версия всего Нового и части Ветхого завета. Появление национальной версии Писания повышало статус того варианта литературного языка, на который был ориентирован перевод. Напомним, что перевод РБО осуществлялся в тот период истории русского литературного языка, когда сосуществовало несколько вариантов этого языка, и вопрос о том, какой из этих вариантов приобретет статус общенационального, оставался открытым. Результаты споров шишковистов и карамзинистов не были предreshены, конкуренция “нового слога” с более архаичными вариантами литературной нормы была острой. А языковая концепция библейского перевода была четкой и недвусмысленной: “Величие Священного Писания, — читаем мы в правилах перевода, — состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славенским словам и выражениям ради мнимой их важности” [Чистович 1899: 27]. Эта декларация

поучениях пасторов протестантских и православных священников; но большая часть их ходила на эти поучения из угодливости к покровителю их Голицыну” [Греч 2002: 261–262].

⁷ Имеется в виду церковнославянский язык.

⁸ Я не касаюсь здесь текстологических и связанных с ними богословских проблем перевода.

означала, что позиция переводчиков прямо противостоит концепции архаистов.

Переводчики РБО достаточно точно выбрали тот вариант языка, который в конечном счете стал общенациональным. Однако очевидная потомкам правильность их выбора вызывала у современников большие сомнения, за что эти переводы и критиковались. К тому же, вопреки декларациям, эти переводы не решали основной задачи РБО — «способствование к приведению в России в большее употребление Библии или книг Священного писания Ветхого и Нового Завета» [Отчет I: 1]. Русские переводы Писания были скорее литературным экспериментом⁹, чем просветительским проектом. Симптоматично, что Синод отказался в нем участвовать, делегировав архиереям-членам РБО право самим утверждать русский перевод [Чистович 1899: 26]. И для уяснения причин разгрома РБО следует, на наш взгляд, анализировать не столько текстологические инновации переводчиков, сколько место этих переводов в языковой и литературной полемике начала XIX века¹⁰. В контексте споров «архаистов» и «новаторов» русский перевод Писания, несомненно, воспринимался как проект новаторов. А учитывая административные возможности архаистов, разгром РБО можно считать событием вполне предсказуемым. А. С. Шишков оказался одним из основных участников интриги, приведшей к ликвидации Общества. Мы не будем воспроизводить здесь ход интриги, в которой кроме Шишкова участвовали арх. Фотий (Спасский), А. А. Аракчеев и другие влиятельные лица. Но для нашей темы существенно, что на всем протяжении борьбы с Библейским обществом Шишков последовательно боролся не только с русскими переводами Писания, но и с цитированием на русском языке текстов, традиционно читаемых по-церковнославянски. Именно за это критиковал Шишков митр. Филарета (Дроздова), цитировавшего в своем «Катехизисе» Заповеди, Молитву Господню и Символ веры на русском языке. За это же критиковал Шишков и готовящееся по инициативе РБО русское издание «Толкования на Евангелия» Геснера. Скандал, спровоцированный тем, что переводчик этой книги цитировал Библию на русском языке, стал одной из причин разгрома Российского библейского общества¹¹. Претензии Шишкова, стремившегося приблизить

⁹ Таким образом, переводы РБО оказываются в одном ряду с популярными в XVIII в. поэтическими переложениями Псалтири.

¹⁰ Мы не касаемся здесь проблем текстологии, в первую очередь проблемы выбора между греческим и еврейским текстом. Мы ограничиваемся лишь языковой проблематикой этой дискуссии. Что же касается текстологических проблем, то они довольно подробно освещены И. А. Чистовичем.

¹¹ Приведем ядовитый отзыв Николая Греча, участвовавшего в подготовке этого издания: «Шишков, занимавшийся только корнями славянского языка, не

русский литературный язык к славянскому языку Писания, вполне понятны. А поскольку Шишков имел обыкновение придавать своим лингвистическим претензиям богословское и политическое обоснование, его роль в разгроме РБО была одной из ключевых.

Вольное или невольное участие РБО в полемике о судьбе литературного языка не было чем-то уникальным. Ведь новый перевод Писания — это всегда литературный эксперимент. При поддержке РБО, как известно, шла работа и над осуществленным Вуком Караджичем переводом Евангелия. После того как в 1818 г. был напечатан его “Српски рјечник”, содержащий основные идеи реформы сербского языка¹², Караджич предпринял путешествие в Россию, где он рассчитывал найти как моральную, так и материальную поддержку своим идеям. Надежды на материальную поддержку (Караджич пытался раздобыть средства для издания нескольких томов сербских народных песен) не оправдались. Однако переговоры с РБО увенчались некоторым успехом: Общество согласилось финансировать сербский перевод Нового завета [Ягич 1910: 366–382]. Этот перевод был для Караджича проектом не просветительским, а языковым. Вот что в связи с этим отмечал Н. И. Толстой:

Вук, не будучи писателем в современном понимании этого слова, а лишь филологом, видимо, понимал, что для утверждения нового литературного языка необходим корпус текстов, его представляющих. Грамматическая и лексическая предварительная или “проектная” кодификация уже существовала, нужна была и кодификация текстовая. Такой текстовой кодификацией были “Сербские народные песни”, которые Вук подвергал известному редактированию, [. . .] и перевод Нового Завета [Толстой, 2: 342].

Протесты, которые вызвал перевод Караджича, очень похожи на протесты против русского перевода Библии. В своем отзыве бывший сербский митрополит Леонтий упрекал Караджича за обилие турецких заимствований, за ориентацию на штокавский диалект (“херцеговачское

понимавший ни богословия, ни философии, стал разбирать листы. Цитаты и стихи из Библии были не на славянском языке, а в русском переводе. Что ж! Храбрый адмирал нашел безбожие и побуждение к мятежу в словах самого Спасителя. Так, например, из слов: «И не бойтесь убивающих тело, бойтесь могущих убить душу», он вывел, что автор учит не бояться суда царского и т. п. Критика его оканчивалась словами: «Читая таковые мерзости, перо мое из рук упадет» [Греч 2002: 264].

¹² Приведу яркую характеристику этого словаря, принадлежащую В. Ягичу: “Словарь его был в славянской науке для своего времени явлением единственным. Ни в одном словаре не проведено начало столь строгого подбора исключительно простонародных слов с такой последовательностью, как здесь. Ни в одном не обойден литературный язык столь безжалостно, как в этом словаре; а так как в то время целая западная половина сербско-хорватского народа и языка была Вуку еще неизвестна, поневоле пришлось в области простонародного языка ограничиться языком Сербии и Срема и Южной Венгрии” [Ягич 1910: 378].

наречие”), который, по мнению рецензента, в литературных целях использовали только униаты, а также за использование ряда букв, заимствованных из латинского алфавита, при отказе от “і”, “Ѣ”, “ю” и “я”. Общий вывод рецензента сводился к тому, что перевод нуждается в исправлении. В итоге текст был передан для исправления оппоненту Караджича профессору Харьковского университета Афанасию Стойковичу, который перед изданием подверг его значительной славянизации [Чистович 1899: 45; Пыпин 2000: 108–109; Ягич 1910: 382].

IV.

Дальнейшая история русского библейского перевода хорошо известна, и воспроизводить ее здесь нет необходимости. Напомним лишь основные вехи этой истории: закрытие РБО, уничтожение уже отпечатанного тиража русского Восьмикнижия, попытки арх. Макария (Глухарева) и прот. Герасима Павского самостоятельно продолжить работу над переводами и, наконец, возобновление в конце 50-х гг. систематической работы, в результате которой в 1876 г. появился так называемый Синодальный перевод.

Реакция на появление Синодального перевода Библии была куда менее острой, чем на переводы РБО. В этом нет ничего удивительного. Если в начале XIX в. библейские переводы носили характер языкового эксперимента и были ориентированы на язык очень узкого круга людей, то теперь споры о месте славянизмов в литературном языке отошли в прошлое, а круг читателей текстов, написанных на русском языке, существенно расширился. Тот вариант языка, на который ориентировались переводчики РБО, стал господствующим. Однако многие решения переводчиков РБО казались слишком смелыми и во второй половине XIX в. В ряде случаев редакторы, работавшие над синодальным текстом русской Библии, предпочитали более архаичные варианты, чем переводчики РБО. Соотношение перевода РБО и синодальной версии в свое время было рассмотрено А. А. Алексеевым, который указывал на близость Синодального перевода привычной церковнославянской версии [Алексеев 2013: 384–389].

Приведем лишь несколько примеров, заимствованных из 14-й главы Первого послания к Коринфянам, которые демонстрируют большую консервативность языка Синодального перевода по сравнению с языком перевода РБО¹³.

¹³ При этом Синодальный перевод устраняет ряд особенностей перевода РБО, которые в начале XIX в. не противоречили норме, а во второй половине века уже стали архаизмами. Например, формы *се*, *сей* как правило меняются на *вот*, *этот* [Алексеев 2013: 385].

Перевод РБО [НЗ 1824: 457–460]	Синодальный перевод
14:1 . . . с ревностью ищите и даров духовных. . .	. . . ревнуйте о дарах духовных. . .
14:22 Следовательно языки суть знак не для верующих. . .	Итак языки суть знамение не для верующих. . .
14:23 . . . то не скажут ли, что вы с ума сошли?	. . . то не скажут ли, что вы беснуетесь?
14:33 . . . потому что Бог не есть Бог беспорядка, но мира.	. . . потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира.
14:34 И у вас женщины в церквах пусть молчат. . .	Жены ваши в церквах да молчат. . .
14:37 . . . тот пусть узнает. . .	. . . тот да разумеет. . .

Мы видим, что спустя более полувека перевод РБО подвергается не модернизации (как можно было бы ожидать), а архаизации¹⁴. Редакторы синодальной версии Нового завета правили текст в том же направлении, в каком Афанасий Стойкович правил сербский перевод Нового завета, осуществленный Вуком Караджичем.

Таким образом, говоря об осуществленных при поддержке РБО переводах Писания на национальные языки, следует учитывать историю становления этих языков и анализировать деятельность переводчиков в контексте языковой и литературной полемики эпохи, и четко осознавать, кому адресован тот или иной перевод.

Библиография

Рукописные источники

Дело о присылке Библий

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 1184, Оп. 2/3 (годы 1806–1816), № 2826, Дело о присылке по требованиям в Московский и Петербургский комитеты РБО книг Библий и Новых Заветов (1813–1820).

О напечатании

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 1184, Оп. 2/1 (годы 1788–1806), № 1411, О напечатании церковных молитв, символа веры, десятилетия и катехизиса, переведенных с русского на татарский, черемисский, чувашский и мордовский церковными литератами.

¹⁴ Следует отметить, что предпринимались попытки архаизации и этого перевода. Наиболее известная из подобного рода попыток принадлежит К. П. Победоносцеву [НЗ 1906].

Литература и опубликованные источники

АЛЕКСЕЕВ 2013

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Очерки и этюды по истории литературного языка в России*, С.-Петербург, 2013.

ГРЕЧ 2002

ГРЕЧ Н. И., *Записки о моей жизни*, Москва, 2002.

КРАВЕЦКИЙ 1993

КРАВЕЦКИЙ А. Г., “Дискуссии о церковнославянском языке (1917–1943)”, *Славяноведение*, 5, 1993, 116–135.

——— 1999

КРАВЕЦКИЙ А. Г., “Литургический язык как предмет этнографии”, *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*, Москва, 1999, 228–242.

——— 2011

КРАВЕЦКИЙ А. Г., “Экстралингвистические факторы в нормализации языка и текста Славянской Библии”, *Вопросы культуры речи*, Москва, 2011, 403–408.

КРАВЕЦКИЙ и ПЛЕТНЕВА 2001

КРАВЕЦКИЙ А. Г., ПЛЕТНЕВА А. А., *История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX вв.)*, Москва, 2001.

НЗ 1824

Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, 3-е изд., С.-Петербург, 1824 [Репринт: *Новый Завет в переводе Российского библейского общества*, Москва, 2000].

НЗ 1906

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева, С.-Петербург, 1906 [Репринт: *Новый завет в переводе К. П. Победоносцева*, С.-Петербург, 2000].

ОТЧЕТ I

Первый отчет Комитета Российского библейского общества за 1813 год, С.-Петербург, 1814.

ОТЧЕТ III

Третий отчет Комитета Российского библейского общества за 1815 год, С.-Петербург, 1816.

ОТЧЕТ IV

Четвертый отчет Комитета Российского библейского общества за 1816 год, С.-Петербург, 1817.

ПЛЕТНЕВА 2006

ПЛЕТНЕВА А. А., “К характеристике языковой ситуации в России XVIII–XIX вв.”, *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 213–229.

——— 2013

ПЛЕТНЕВА А. А., *Лубочная Библия: Язык и текст*, Москва, 2013.

ПЫПИН 2000

ПЫПИН А. Н., *Религиозные движения при Александре I*, С.-Петербург, 2000.

ТОЛСТОЙ, 1–3

ТОЛСТОЙ Н. И., *Избранные труды*, 1–3, Москва, 1997–1999.

ФЛОРОВСКИЙ 1981

ФЛОРОВСКИЙ Г. В., прот., *Пути русского богословия*, Париж, 1981.

ЧИСТОВИЧ 1899

ЧИСТОВИЧ И. А., *История перевода Библии на русский язык*, С.-Петербург, 1899 [Репринт: Москва, 1997].

ЯГИЧ 1910

ЯГИЧ И. В., *История славянской филологии* (= Энциклопедия славянской филологии, 1), С.-Петербург, 1910 [Репринт: Москва, 2003].

References

Alekseev A. A., *Ocherki i etiudy po istorii literaturnogo iazyka v Rossii*, St. Petersburg, 2013.

Florovsky G. V., *Puti russkogo bogosloviia*, Paris, 1981.

Kravetsky A. G., "Diskussii o tserkovnoslavianskom iazyke (1917–1943)," *Slavianovedenie*, 5, 1993, 116–135.

Kravetsky A. G., "Liturgicheskii iazyk kak predmet etnografii," *Slavianskie etiudy. Sbornik k iubileiu S. M. Tolstoi*, Moscow, 1999, 228–242.

Kravetsky A. G., "Ekstralingvisticheskie faktory v normalizatsii iazyka i teksta Slavianskoi Biblii," *Voprosy kul'tury rechi*, Moscow, 2011, 403–408.

Kravetsky A. G., Pletneva A. A., *Istoriia tserkovnoslavianskogo iazyka v Rossii (konets XIX–XX vv.)*, Moscow, 2001.

Pletneva A. A., "K kharakteristike iazykovoii situatsii v Rossii XVIII–XIX vv.," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (12), 2006, 213–229.

Pletneva A. A., *Lubochnaia Bibliia: iazyk i tekst*, Moscow, 2013.

Pypin A. N., *Religioznye dvizheniia pri Aleksandre I*, St. Petersburg, 2000.

Tolstoy N. I., *Izbrannye trudy*, 1–3, Moscow, 1997–1999.

Александр Геннадьевич Кравецкий, канд. филол. наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, руководитель Научного центра по изучению церковнославянского языка

119019 Москва, Волхонка 18/2

Россия/Russia

csl_cent@mail.ru